

**СТИЛИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ
КОНТЕКСТЕ И СПЕЦИФИКА СОХРАНЕНИЯ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ**

**HISTORICAL REALITY STYLIZATION:
TOOLS OF REALIZATION IN LITERARY CONTEXT
AND SPECIFICITY OF RETAINING IN TRANSLATION**

О. И. Уланович, И. И. Вербилевич

O. I. Ulanovich, I. I. Verbilovich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: ulanova@bsu.by

В статье предлагается анализ подходов к определению исторической стилизации в литературно-художественном произведении, вербальными инструментами которой выступают лингвокультурамы / реалии. Представлены доминирующие модели реноминации реалий в художественном переводе, которые позволяют рационально интегрировать противоположные стратегии передачи реалий.

Ключевые слова: историческая стилизации, реалии, модели реноминации реалий, стратегии художественного перевода.

The article deals with the analysis of various approaches to the definition of historical stylization in a literary work. Realia are viewed as culture specific verbal instruments of stylization. The key models of realia renomination which logically integrate opposite strategies of realia translation are distinguished by the authors.

Key words: historical stylization, realia, models of realia renomination, strategies of literary translation.

Исторический роман по факту своей жанровой принадлежности неизбежно предполагает реконструкцию в нарративе, архитектонике, художественной семантике и идиостиле определенного культурно-

исторического контекста, что и воплощено в понятии «стилизация». В исследованиях, посвященных художественной прагматике, лингвопоэтике литературных произведений, теории и практике художественного перевода, понятие «историческая стилизация» выступает в качестве одной из ключевых объяснительных категорий. Ряд ученых рассматривают историческую стилизацию как передачу национального и исторического колорита этнокультурной реальности в контексте художественного произведения; другие акцентируют темпоральный фактор стилизации: отражение в тексте времени, исторической эпохи. Существует и третий вариант понимания стилизации как воспроизведение в художественной литературе специфики языка исторической эпохи и воссоздание речевого колорита, присущего этнокультурному сообществу в тот или иной период его исторической траектории, моделируемой в контексте литературно-художественного произведения. В терминах словарных дефиниций историческая стилизация предстает как «подражание стилю речи, типичному для какой-либо эпохи или социальной среды» [6].

Отмеченные подходы к определению понятия ни в коей мере не взаимопротиворечащие, а, скорее, взаимодополняющие. Интегрируя указанные аспекты литературной стилизации, предлагаем рассматривать этот прием как своего рода имитацию, которая «имеет целью иллюзорное воссоздание колорита и стиля эпохи, что достигается посредством стилистически маркированных элементов» [8, с. 90], в роли которых в художественных произведениях различных жанров могут выступать разные вербальные средства.

О стилизации, однако, следует говорить в двух аспектах: с одной стороны, это стилизация, реализованная в тексте оригинального исторического романа, с другой стороны, оправданным видится и понятие «стилизация перевода» как практика передачи стилизованных текстов и сохранение в переводе заданной в оригинале имплицации, имитации и прагматики.

В.С. Виноградов, рассматривая стилизацию в контексте онтологии перевода, предлагает следующее определение: «Переводческая языковая архаизация или темпоральная (временная) языковая стилизация – это сохранение с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств связи современного языка перевода с родным языком более ранних эпох с целью создания особого стилистического эффекта соотнесенности с прошлым» [1, с. 142]. Ученый подчеркивает относительность данного понятия, «ибо в речь вкрапливаются языковые элементы не какого-то конкретного периода конкретного века, а осуществляются такие отступления от современной нормы, которые

представляются несколько архаичными» [1, с. 142]. Как замечает в этом отношении В.Н. Комиссаров: «Вполне естественно, что автор, живший, скажем, в Англии XIV века, как и его герои, не может ‘ездить в командировку’, ‘заниматься чем-либо без отрыва от производства’, ‘решать проблемные вопросы’ и т. д. и т. п.» [5, с. 112].

Конструируя эффект архаичности, автору приходится с особой осторожностью и чувством меры вводить в текст устаревшие слова, обороты и синтаксические конструкции, избегая, с одной стороны, неоправданной чрезмерности использования архаизмов, а, с другой – неуместной модернизации языка.

Стилизацию межъязыкового перевода предлагаем понимать как «поиск адекватного эквивалента изначальному тексту в другом языке, с учетом сохранения функционально-контекстуального предназначения содержащихся в тексте декоративных стилистически маркированных и смысловых элементов». При этом важно акцентировать, что «стилизованный перевод подчиняется принципу ‘эквивалентного эффекта’, реализация которого возможна только в случае полного понимания эстетически созданной в переводимом произведении иллюзии (жанрово-стилистических особенностей), а также правильного использования переводческих тактик» [8, с. 91].

Г. Саямов утверждает, что при переводе текстов прошлой эпохи следует придерживаться «золотой середины» между архаизацией и модернизацией, и что «умелое использование архаики необходимо», однако в основном в тексте перевода преобладать должна более исторически нейтральная лексика [7, с. 445]. Г.О. Винокур в своих трудах демонстрирует солидарность с отмеченным мнением, указывая, что малопонятные устаревшие слова никак не могут в должной степени передать исторический колорит в силу их «малопонятности». При выборе лексических единиц важно учитывать, кто будет получателем текста – рецептором перевода [2].

Таким образом, переводчику важно соблюдать разумное равновесие между архаизмами и лексикой современного языка при переводе стилизованного произведения, что, в первую очередь, относится к передаче лингвокультурем, присутствующих в тексте оригинала, поскольку в своем широком разнообразии категорий и разновидностей лингвокультуремы выступают в романе непосредственно вербальными инструментами исторической стилизации.

В.В. Воробьев предлагает именовать *культуремами* элементы действительности, характерные для определенной культуры, а *лингвокультуремами* – проекции элементов культуры в языковых знаках [3]. Далее, как уточняет ученый в более позднем своем труде,

лингвокультурема – это комплексная *межуровневая* единица, «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного)», единица более «глубокая» по своей сути, чем *просто лексема национального языка* [4].

В нашем исследовании предлагаем определять *культуремы / лингвокультуремы* как объекты и явления материальной и духовной культуры нации, отражающие самобытность исторической траектории духовного, социального и экономического развития этноса и репрезентируемые в системе национального языка. Лингвокультуремы могут быть представлены в языке и речи *лингвистическими реалиями, прагматическими клише, этикетными формами обращения, сленговыми выражениями, фразеологизмами, паремиями, аллюзиями* и т. д. Тем самым категориальное пространство термина «*культурема*» включает более широкий спектр культурно-маркированных вербальных единиц, чем просто понятие «реалия». *Реалии* – это некие предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, а также исторические факты, зачастую, не имеющие номинирующих их лексических эквивалентов в других языках. Реалии выступают частью обширного класса *культурем* и акцентируют в своей семантике преимущественно этнографические объекты материальной культуры этнического сообщества и его этноисторические актуалии.

Реалии в контексте исторического романа – это предметно-концептуальные художественные формы, имеющие не просто значение, но *значимость*, это «вехи» взаимодействия текстовой семантики и факторов широкого исторического контекста: идеологического, культурного, художественного. Эти «вехи» формируют *смыслообразующую ось значимости* в произведении, по отношению к которой разворачивается нарратив. Реалии выступают акцентными единицами художественного перевода в силу именно их семантической значимости, далеко выходящей за рамки собственно информативной функции.

В художественном переводе уместно говорить не о переводе реалий, а о *передаче* реалий при переводе романа. Такое терминологическое употребление вытекает из рассмотрения художественного перевода как «*культурного переноса*» в контексте когнитивной транслатологии.

Концепция *культурного переноса* была разработана во Франции силами филологов-германистов, анализировавших явления межкультурного взаимодействия при восприятии литературно-художественных произведений в ином культурном контексте. При этом данная концепция распространяется на перевод всех произведений

искусства и представляет собой «переход» произведения от одного языка культуры к другому как от одного кода к другому. И.К. Федорова предлагает понимать культурный перенос как построение референции – процесс, в котором участвуют макро- и микроединицы. Микроструктурными единицами выступают, прежде всего, культурно маркированные слова и выражения (реалии, сленг, жаргонизмы, инвективная лексика, фразеология и идиоматика и т.д. – т. е. именно лингвокультуремы), содержащие дополнительную коммуникативную нагрузку, в которой отражается референция культуры-отправителя. Макроуровень перевода формируют особенности произведения как типа текста именно в этой культуре, а также ситуации, типичные для культуры, в которой текст был создан, т. е. факторы, относящиеся к экстралингвистическому макроконтексту культуры, но участвующие в построении художественного целого [11, с. 143].

Материалом нашего исследования специфики передачи культурем в процессе перевода как «культурного переноса» послужил исторический роман «Ассей» Уилбура Смита – знаменитого южноафриканского писателя [10; 13]. Выбор материала исследования в пользу этого романа определился благодаря созданной автором панорамной картине, описывающей происходящие в Африке события в начале XX в. глазами героя – юного лейтенанта Леона Кортни. Автор погружает читателя в самобытность жизни африканского населения и его традиции, демонстрирует богатство дикой природы африканского континента и отражает сложные взаимоотношения, сложившиеся между Германией, Великобританией и странами Африки в начале XX в. Историческая стилизация в романе реализуется за счет использования реалий, принадлежащих разным тематическим группам. Таковыми являются реалии из области *культурно-бытового* контекста жизни, *милитаристских действий* за политическую гегемонию в мире в начале XX в., а также *военные* реалии и уникальные *географические реалии* африканского континента.

Передача реалий при переводе представляется как «поиск различных путей «освоения “своим” языком “чужой” реальности, что позволяет <...> обнаружить специфику и стратегии адаптации принимающим языком констант иной культуры» [9, с. 150].

Лингвистическая теория перевода рассматривает передачу реалий исключительно с точки зрения взаимодействия L-реалий языков оригинала и перевода – т.е. как некую замену лексемы оригинала на лексему языка перевода, игнорируя когнитивный аспект перевода как «переход» на уровне лексикодов.

Н.А. Фененко (современный российский лингвист-переводчик, доктор филологических наук и инициатор создания нового направления в науке о языке – реалиеведения) и ее последователи предлагают теорию реноминации (переозначивания) для передачи реалий при переводе [12]. Под реноминацией предлагаем понимать «такое именование в тексте перевода ‘чужих’ реалий средствами ‘своего’ языка, которое воплощается во введении в текст перевода полностью, частично или условно эквивалентных номинаций иноязычных реалий» [9, с. 155].

Теория реноминации предполагает, что помимо **L-реалий** (номинативных средств, образующих словарь конкретного языка), в процессе перевода актуализируются и **R-реалии**, к которым относятся артефакты (объекты, созданные человеком и отмеченные лингвокультурной значимостью) и натурфакты (константы природно-географической среды обитания народы), а также **C-реалии** (‘C’ от *англ. concept* ‘концепт’), обозначающие различные социофакты (элементы социокультурного контекста жизни общества) и ментефакты (аспекты национальной ментальности, духовного бытия народа).

В рамках теории реноминации передача реалии предполагает раскрытие этнокультурной специфики денотативно-сигнификативного ядра в границах семантики словесного знака – реалии, анализ реалии как культурно-специфичного явления, что и определяет выбор той или иной модели реноминации, реализуемой через определенные переводческие приемы.

Осуществленный нами анализ примененных при переводе романа «Ассегай» моделей реноминации реалий позволяет отметить в качестве доминирующих следующие модели.

Модель реноминации «*чужая*» **R-реалия** → «*чужая*» **L-реалия** предполагает «вкрапление» в текст перевода иноязычной L-реалии и, соответственно, перенос в иную культуру (культуру языка перевода) собственно и самой «чужой» реалии со всем присущим ей этнокультурным колоритом. Реализуется данная модель преимущественно через переводческие приемы транскрипции / транслитерации, реже – калькирование, и в особенно исключительных случаях – трансплантацию (иноязычное вкрапление):

shamba (обработанный, возделанный участок земли, плантация) – ‘шамба’ (транслитерация),

Great Rift Valley (обширное рифтовое образование рельефа в Восточной Африке) – ‘великая рифтовая долина’ (калькирование),

Masai (племя чернокожих жителей Африки) – ‘масай’ (транслитерация),

assegai (название разновидности копья, применявшегося у народов Южной и Юго-Восточной Африки) – ‘**ассегай**’ (транслитерация),

turban (мужской головной убор восточных народов из куска легкой материи, обмотанной вокруг головы) – ‘**тюрбан**’ (транслитерация),

rondavel (традиционный круглый дом народов банту в странах юга Африки) – ‘**рондавель**’ (транскрипция),

panga (тип мачете, наиболее распространенный среди бантуязычных народностей Восточной и Центральной Африки) – ‘**панга**’ (транслитерация),

mzungu (понятие, которое используется коренными жителями Южной, Центральной и Восточной Африки для обозначения белого человека) – ‘**мзунгу**’ (транслитерация),

culottes (широкие укороченные штаны до середины голени) – ‘**кюлоты**’ (транслитерация).

(1) *It was the first time he had seen a beautiful woman in culottes, a most daring and avant-garde fashion that had not yet reached the colonies* [13] – ‘Впервые в жизни он видел красивую женщину в **кюлотax**, самом дерзком, смелом, рискованном и авангардном наряде’ [10].

Активное использование переводчиком при переводе романа «Ассегай» данной модели в качестве доминирующей позволяет констатировать примат стратегии сохранения этнокультурной уникальности контекста художественного произведения: при переводе акцентируется стилизованная атмосфера колониальной Африки начала XX в. Отсутствие, однако, каких-либо поясняющих сносок чрезвычайно затрудняет восприятие стилизованного текста русскоязычным читателем и вынуждает либо обращаться к справочным материалам, либо при чтении оставлять эти многочисленные L-реалии без должного понимания с фокусом читательского внимания на сюжетной линии произведения. В подобных случаях, стоит заметить, эквивалентный эффект едва ли достигим, что никак не позволяет утверждать об успешности перевода как «культурного переноса».

Модель реноминации «**чужая**» R-реалия → «**своя**» R-реалия предполагает замену инокультурной R-реалии «своим» денотатом, что снижает информационное напряжение, испытываемое читателем в силу избытия инокультурных вкраплений в тексте:

drumming shields – ‘**колотушки**’,

low entrance – ‘**притолока**’,

hand-printed boards on the fronts – ‘слепленные из **сырцового кирпича** [лавки]’,

a brilliant gold and green sunbird – ‘**маленькая золотисто-зеленая птичка, нектарница**’.

Отмеченная модель воплощает стратегию лингвокультурной адаптации перевода к инокультурной реальности иноязычного рецептора перевода, что, можно полагать, отчасти снижает эффект исторической стилизованности в романе в пользу точности понимания текста читателем.

Модель реноминации «чужая» *R-реалия* → «чужая» *L-реалия* + «своя» *R-реалия* заключается в бинарном использовании иноязычной и «своей» *L-реалий*: имеет место «вкрапление» в текст перевода иноязычной *L-реалии* (транслитерация / транскрипция) с одновременной экспликацией реалии внутри текста на языке перевода (добавление / описание):

a pile of monkey-skin karosses – ‘куча **накидок-кароссов** из обезьяньих шкур’ (добавление),

sandwiches spread with The Gentleman’s Relish – ‘сэндвичи с **острой соленой пастой «Джентльмен релиш»**’ (описание),

coffee shamba – ‘кофейное **поле, шамба**’ (добавление),

a gang of stalwart Luo porters – ‘носильщики – **несколько мужчин из племени луо**’ (описание),

the Nandi – ‘**племена нанди**’ (добавление),

mushila – ‘**масайские носилки, мушила**’ (описание).

(II) *Lord Delamere was once a great shikari* [13] – ‘Когда-то лорд Деламер был отличным **охотником, шикаром**’ [10] (добавление).

(III) *Manyoro was a morani of the Masai. A fine member of that tribe, he stood at well over six feet, yet he was as slim and graceful as a bullfighter...* [13] – ‘Имевший у масаи **звание воина, морани**, Маниоро являл собой прекрасный образчик этого гордого племени – высокий, за шесть футов, сухощавый и стройный, как тореадор...’ [10] (описание).

Особым достоинством данной переводческой модели реноминации является симультанная реализация ею сразу двух стратегий перевода: сохранение инокультурного колорита произведения, с одной стороны, и адаптация перевода к лингвокультурному контексту иноязычного читателя – с другой, что облегчает восприятие и понимание текста без ущемления эффектов культурно-исторической стилизации в романе.

Модель реноминации «чужая» *развернутая R-реалия* → «чужая» *развернутая L-реалия* реализуется за счет «вкрапления» в текст перевода иноязычной *L-реалии* (транслитерация / транскрипция) с переводом авторских описательных оборотов, которые автор сам предусмотрительно привнес в текст, прогнозируя очевидные трудности как понимания данных реалий читателем, так и передачи их при переводе романа:

mukuuyu tree – дерево мукуйю,
kudu bull – антилопа куду,
green Kusaka-saka bush – ‘зеленые кусты кусака-сака’.

Подобные авторские экспликации реалии в тексте оригинала (и перевода) элиминируют информационное напряжение при сохранении элементов и эффектов стилизации.

(IV) *He led his detachment of seven askari, locally recruited tribal troops* [13] – ‘...ведя за собой под полуденным маревом отряд численностью в семь **аскари**, **призванных на службу из местных племен**’ [10].

Так, в примере (IV) *askari* ‘аскари’ – это термин, используемый для обозначения особой категории солдат, которые брались на службу в армии европейских колониальных держав из местных племен в Центральной Африке в XIX – первой половине XX вв., что и отражено в авторской экспликации реалии в тексте оригинала.

(V) *Loikot says that in the time of his grandfather the Mkuba Mkuba, the great god of the Masai, was displeased so he threw down a bolt of lightning to warn the tribe of his anger* [13] – ‘Лойкот говорит, что во времена его деда **Мкуба-Мкуба**, **великий бог масаи**, разгневался на людей и ударом молнии предупредил их о своем гневе’ [10].

Понимание имени *Mkuba Mkuba* ‘Мкуба-Мкуба’ в примере (V) без авторского объяснения было бы абсолютно недостижимо в силу его исключительной окказиональности и этнической специфичности.

(VI) *While the old men sit in the sun to drink beer and talk of mighty deeds from long ago, we the chungaji move through the land with the cattle* [13] – ‘Пока старики греются на солнышке, пьют пиво да болтают про свои великие дела, о которых никто уже не помнит, мы, **чунгаджи**, перегоняем скот с места на место и сами идем за ним’ [10].

В ряде случаев, подобных продемонстрированному в примере (VI), даже справочные материалы не достаточно информативны, чтобы преодолеть когнитивную лакуарность, возникающую вследствие полной чуждости присутствующей в тексте культурологической лакуны. Так, ни один доступный информационный источник не предлагает определения понятию *chungaji* ‘чунгаджи’, что вызвало бы полнее непонимание, если бы сам автор при первом упоминании реалии в тексте не представил бы ее понятийное содержание: *We are the guardians of the cattle, the chungaji* – ‘Нас [спроси], **хранителей стад**, **чунгаджи**’.

Модель реноминации «чужая» *R-реалия* → «чужая» *L-реалия* + «своя» *S-реалия* предполагает привнесение переводчиком дополнительных комментариев в виде постраничных сносок или же

в формате исторических справок в отдельной рубрике комментариев в конце книги. Данная модель позволяет избежать чрезмерного загромождения экспликациями внутри самого текста:

glacis ‘гласис’* (*пологая земляная насыпь перед наружным рвом крепости),

bunduki ‘бундуки’* (*ружье (суах.)).

(VII) *It's the dead elephant that kills you. He heard Percy's warning in his memory. Always put in the coup de grace* [13] – ‘Даже мертвый слон убивает!’ – прозвучало в голове предупреждение Перси. – *Не забывай про coup de grâce** [10].

(*«Coup de grâce (фр.) – удар милосердия, который добивает смертельно раненного человека или животное, чтобы прекратить его мучения»).

Представленная модель реноминации, безусловно, успешно воплощает достоинства обеих стратегий перевода лингвокультурем: способствует адекватности восприятию и пониманию текста при сохранении стилистически и прагматически маркированных элементов текста и их коммуникативного функционала.

Таким образом, благодаря своей особой этнокультурной и исторической маркированности лингвокультуры (реалии) в пространстве художественного произведения выступают инструментами исторической и культурной стилизации, выполняют особую контексто- и стилеформирующую роль, генерируют в тексте особые окказиональные и интертекстуальные смыслы. Синергия в значимости реалий ряда номинативно-коммуникативных функций предъявляет особые требования к их передаче в художественном переводе. Теория реноминации реалий предлагает рассматривать передачу реалий при переводе текста как формирование контекстуальных эквивалентов; при этом «контекстуальность» детерминируется этнокультурной спецификой языка перевода, национально-культурной ментальностью рецептора перевода, а также исторической самобытностью контекста собственно переводимого сюжета романа. Модели реноминации реалий при переводе воплощают либо переводческую стратегию прагматической адаптации с учетом особенностей «принимающей» лингвокультуры, либо стратегию сохранения при переводе самобытности стилизованной инокультурной реальности, либо обе эти стратегии в их органичном сочетании. Рациональное использование альтернативных моделей реноминации предопределяет успешность перевода как «культурного переноса» без потери мотивированных эффектов исторической и этнокультурной стилизации в романе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Винокур, Г.О. О языке исторического романа / Г.О. Винокур // О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 407–429.
3. Воробьев, В.В. Лингвокультурология (теория и методы): монография / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 332 с.
4. Воробьев, В.В. Лингвокультурология / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 2006. – 331 с.
5. Комиссаров, В.Н. Слово о переводе / В.Н. Комиссаров. – М.: Международные отношения, 1973. – 215 с.
6. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
7. Саламов, Г. Где же «золотая середина»? Перевод классики: Модернизация или стилизация? // Художественный перевод: Проблемы и суждения. – М.: Известия 1986. – С. 442–461.
8. Уланович, О.И. Литературная стилизация как создание эстетической иллюзии / Кейзер С.В., Уланович О.И. // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Сб. тезисов докладов ежегод. междунар. науч. конф., 4–5 фев. 2012 г., г. Екатеринбург. – Екатеринбург: УГПУ, 2012. – 90–91.
9. Уланович, О.И. Реалии как единицы художественного перевода в контексте теории реноминации / О.И. Уланович // Актуальные проблемы гуманитарного образования: Материалы Междунар. науч.-практ. конф, Минск, 22–23 окт. 2015 г.; редколл. О.И. Уланович (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Издатель А.Н. Вараксин, 2015. – С. 150–156.
10. Уилбур, С. Асsegai / У. Смит; пер. с англ С. Самуйлова. – М.: Астрель, 2012. – 508 с.
11. Федорова, И.К. Перевод кинотекста в свете концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации / И.К. Федорова / Вестник ЧГУ. – 2009. – Вып. 39. Филология. Искусствоведение. – № 43 (181). – С. 142–149.
12. Фененко, Н.А., Кретов, А.А. Переводоведение: проблемы и решения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.km.ru/referats/163D618B51DE4C108EE5F64D33E3D975>. – Дата доступа: 14.03.2015.
13. Smith, W. Assegai Assegai / W. Smith. – London: Pan MacMillan, 2009. – 480 p.